

С. М. Санькова

**ОБУЧЕНИЕ М. Н. КАТКОВА В БЕРЛИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ
В СТАНОВЛЕНИИ ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

Посвящено одному из виднейших представителей русского консерватизма второй половины XIX в. М. Н. Каткову. Рассматривается период его обучения в Берлинском университете как значимый момент становления его мировоззрения. Раскрыты свойства характера Каткова и особенности восприятия им действительности, которые проявились в дальнейшем в его публицистической деятельности.

The article is devoted to one of the most outstanding representatives of Russian conservatism in the second half of the 19th century – M. N. Katkov. The period of his study at Berlin University is considered as a significant moment of his worldview formation. The article reveals major features of Katkov's character and his perception of the reality which later on developed in his social and political journalism.

Ключевые слова: М. Н. Катков, кружок Н. В. Станкевича, Ф. В. Шеллинг, консерватизм, монархизм, философия, религиозность, Германия.

Положение о том, что один из ведущих консервативных идеологов второй половины XIX в. Михаил Никифорович Катков начал свою публицистическую карьеру как либерал, стало хрестоматийным в отечественной историографии. Причиной этой эволюции посвящен целый ряд исследований, однако все они охватывают преимущественно период редакторской деятельности Каткова [11, с. 30–68]. Между тем наиболее знаковым моментом в мировоззренческой, а как следствие, и в политической эволюции Каткова является его разрыв с некоторыми членами кружка Н. В. Станкевича, в первую очередь с В. Г. Белинским, с которым

его несколько лет связывали весьма близкие дружеские отношения. Произошел этот разрыв в тот период, когда Катков два года обучался в Берлинском университете. Но дело здесь было не столько в том, что бывшие товарищи охладели друг к другу, разделенные расстоянием, а в том, что они эволюционировали в противоположных направлениях, так что, встретившись, уже не смогли общаться. Однако именно время пребывания Каткова за границей практически не освещалось в отечественной историографии, что и заставило нас обратиться к данной теме.

О том, насколько разительны были перемены в отношениях Каткова и его прежних друзей, наиболее ярко свидетельствует переписка Белинского. После возвращения Каткова из-за границы между ними произошла всего одна встреча, о которой Белинский писал их общему товарищу по кружку Станкевича В. П. Боткину: «Каткова ты видел. Я тоже видел. Знатный субъект для психологических наблюдений. Это Хлестаков в немецком вкусе» [5, с. 528]. И в это же время в письме к семейству Бакуниных он дает схожие оценки: «Воротился г. Катков — то-то дрянь-то!» [Там же, с. 536].

Сам Катков в письмах к одному из своих товарищей по Берлинскому университету В. А. Елагину вскоре по возвращении в Россию признавался: «От многих бывших милых приятелей моих отшатнулся, или те от меня отшатнулись — право не знаю...» [10, с. 29]. Белинского и его окружение Катков увидел в новом свете, видя в их рассуждениях не более чем «детство», «игру в жизнь», «наивное обезьянство» европейской жизни.

Между тем накануне отъезда в Германию почти ничто не предвещало такого разрыва. Последние месяцы пребывания в России Катков жил в Петербурге на квартире у И. И. Панаева, но очень много общался с перебравшимся к этому времени в столицу Белинским. Оба активно сотрудничали в «Отечественных записках» А. А. Краевского и находились в сложном мировоззренческом поиске. Уже началось их продвижение в противоположные друг другу стороны, но друзья еще не придавали своим расхождениям серьезного значения. В это время Катков отходит от популярной в кружке Станкевича философии Г. Ф. Гегеля и все более увлекается Ф. В. Шеллингом. Последнее немало удивляло Белинского, считавшего этого философа «заживо умершим». Заступаясь за Шеллинга, Катков говорил, что в его философии «есть нечто, чего он не может выговорить, ибо возможность выговорения основывается опять-таки на методе Гегеля, и что это нечто — личность человеческая» [3, с. 99]. Расхождение между Катковым и Белинским в философском плане имело под собой и разницу в отношении к вопросам веры. В Каткове юношеские искания не смогли вытеснить воспитанную матерью глубокую религиозность. Белинский же в вопросах веры в тот период находился в неопределенном поиске.

Перед поездкой в Германию Катков рассчитывал на выплату денег за перевод «Ромео и Юлии» В. Шекспира, однако обнадеживаемый до последнего дня посулами, он их так и не получил и вынужден был отплыть 19 октября 1840 г. с последним пароходом из Кронштадта в Любек, имея на руках не более двух сотен рублей. П. В. Анненков, с которым Катков путешествовал совместно вплоть до Берлина, вспоминал, что «еще в Гамбурге, ступая, так сказать, впервые на почву Европы, он

думал, что успех “Отечественных записок” доставит ему средства безбедного существования на всю жизнь» [2, с. 165]. Сам же Катков писал из Гамбурга матери и брату: «Для меня эта поездка необходима, без нее я не мог бы сделаться совершенным человеком» [8, с. 149]. Эта фраза в равной мере характеризует уровень амбиций Каткова и вместе с тем предъявляемых к себе требований.

В Германии Катков жил, практически нищенствуя. Однако погружившись в изучение философии, он почти прекращает сотрудничество с «Отечественными записками». В 1841 г. журнал поместил две статьи с его подписью, одна была посвящена обзору новой германской литературы, другая — новостям в германской науке. В 1842 г. в «Отечественных записках» встречаются две анонимные статьи, автором которых с высокой степенью вероятности (учитывая тематику — лекции Шеллинга — и особенности стилистики) можно назвать Каткова. По всей видимости, активнее заниматься журнальной деятельностью Каткову мешали не недостаток времени и сил (много работать ему было не привыкать), а отсутствие желания. В воспоминаниях сотрудника «Отечественных записок» А.Д. Галахова встречаются указания на то, что работа в этом журнале при взгляде из Берлина стала казаться Каткову чем-то «ребяческим, недостойным совершеннолетнего человека» [6, с. 253 — 254].

В одном из его писем Анненкову встречается весьма важное указание, дающее дополнительный штрих к натуре юного Каткова, который, находясь практически в нищенских условиях, тем не менее противопоставлял себя и круг своих друзей общей массе обывателей: «Есть в жизни великая отрада, — писал он, — счастье, незаменяемое ничем... именно в сознании, что есть люди, принимающие в тебе любовное и глубокое участие не потому, что ты тем-то и тем-то наделен от природы и общества, а потому, что ты — ты; эти тайные, внутренние, неуловимые для взора черны отношения казались мне всегда лучшей прелестью жизни, и такие-то отношения завязываете вы между нами, любезный мой друг...» [1, с. 489]. О том, что под словом «чернь» Катков подразумевал именно обывательскую массу, свидетельствует его более поздняя статья о Пушкине, выпущенная в первых выпусках «Русского вестника». В ней автор в ряду прочего разбирает стихотворение «Поэт и чернь», где, вслед за поэтом, подразумевает под этим понятием не простой народ, а именно так называемое «образованное общество» [9, с. 59].

Невзирая на сложные условия, Катков, как некогда в Московском университете, продолжал поражать соучеников и преподавателей самоотверженным рвением к знаниям. Самоотверженность эту отчасти объясняют его письма, в которых он признавался, что философия «благотворно действует» на его дух и он надеется с ее помощью выбраться «на чистую воду». В письме матери и брату после первого семестра, в течение которого Катков прослушал курс логики, он писал: «Живое и серьезное занятие философией, не так как прежде — пошлое, брошюрочное, благотворно и глубоко подействовали на меня. Но надобно еще много и много поработать мне: в течение каких-нибудь трех месяцев никакая сила не может овладеть таким предметом, — лекции же летели так быстро, так ярко, так ослепительно — ни на минуту нельзя остановиться и укрепиться» [8, с. 160].

Из подобных откровений явствует, что образование для Каткова в тот период было не самоцелью, а средством для окончательного формирования собственного мировоззрения. Из пребывания за границей он надеялся вынести стройную систему взглядов на мир, которая уже почти сформировалась в его сознании, но еще не имела законченного вида. Не случайно письма Каткова к Белинскому привели последнего к мысли, что его товарищ находится «в страшном переделе» и «для него исчезла всякая достоверность в жизни и знании» [4, с. 540].

Ревностное отношение к учебе вкупе с блестящим знанием немецкого языка сделали для него открытыми не только сущность концепций немецких философов К. Вердера, И. К. Ватке и одного из кумиров мыслящей Европы Шеллинга, но и двери дома последнего. Катков сам признавал значительность роли, которую Шеллинг сыграл в деле завершения формирования его мировоззрения. «Шеллинговы лекции имеют для меня великое значение... — писал он в письме к матери и брату. — У меня открылись глаза на многое, на что прежде были закрыты; много предчувствий моих уяснились и большая часть сомнений и вопросов моих получили по крайней мере более определенный вид» [8, с. 169–170].

Косвенное упоминание о том, что Катков много в это время размышлял над религией, мы находим в ответе Анненкова на его утерянное письмо: «Вы, Катков, бесподобные строки написали о религии...» [7, с. 50]. Примечательно, что, рассказывая в письмах матери и брату о том, чем привлекали его лекции по логике Вердера, Катков писал: «Категории логики — души всего сущего (логос), все, что после выпло жить и быть для себя. Изучение логики не есть, стало быть, просто изучение: это сообщение с Творцом, высшее священнодействие; влияние его объемлет всего человека и на каждом шагу он должен становиться чище и достойнее...» [8, с. 162–163].

Помимо Шеллинга и Вердера особый интерес и восхищение Каткова вызвал великий сказочник Яков Гримм. Катков высоко ценил не только его литературную, но и научную деятельность, в особенности созданную им грамматику немецкого языка, сожалея, что в России пока еще нет ничего подобного. Вероятно, именно Гримм привил Каткову интерес к филологии, что объясняет впоследствии выбор им темы для диссертации — «Об элементах и формах славяно-русского языка». Очевидно, философия для Каткова носила в ту пору ярко выраженный личностный характер и была необходима ему в первую очередь для выработки собственного мировоззрения, в филологии же он увидел для себя возможность практического применения своих знаний и способностей.

Катков полагал, что двух лет слушания лекций в Берлинском университете было недостаточно для окончательного завершения его образования, но отсутствие средств и обремененность долгами не позволяли ему долее оставаться за границей. О сложном финансовом положении Каткова свидетельствует его письмо к Краевскому, написанное в марте 1842 г., в котором он просит о предоставлении ему некоторого займа в счет будущих статей, чтобы иметь возможность вернуться в Россию. Белинский обрадовался этому письму, надеясь, что вскоре Катков разделит с ним труды по изданию «Отечественных записок».

Однако встреча двух товарищей стала окончанием их дружбы и общения. Произошло это оттого, что Белинский и Катков на расстоянии продолжали каждый по-своему эволюционировать в достаточно разных плоскостях, так что, встретившись, оказались совсем чужими друг другу. Сущность позиции Каткова на этот период, по мнению Анненкова, заключалась в том, что он не считал для себя возможным «следовать по пути бесповоротного отрицания, которое боится и не желает разъяснений» [2, с. 165–166]. Да и сам Катков в понравившейся вначале Белинскому статье о сочинениях Сарры Толстой еще в 1840 г. написал: «Глядя на мир, как он есть, скорее станем, из двух крайностей, мистиком, чем нигилистом».

Таким образом, можно констатировать, что мировоззрению Каткова изначально была присуща глубокая религиозная традиция, воспитанная матерью, к которой Катков питал неизменное уважение. Однако в период обучения в Московском университете и вхождения в кружок Станкевича представления юного Каткова были не столь четко оформлены и не приходили в диссонанс со взглядами других членов кружка, так как они тоже находились в мировоззренческом поиске. Ощущение незаконченности картины собственного миропонимания заставило Каткова отправиться в Берлин, чтобы лично слушать лекции Шеллинга и других немецких профессоров, невзирая на крайне стесненное материальное положение. В лекциях Шеллинга по философии Откровения, соединявших идеализм и Священное Писание, он нашел созвучие своим собственным взглядам на мир, еще не достаточно сформированным, но в основе своей консервативным. Философская концепция Шеллинга вкупе с логикой Вердера помогли Каткову окончательно примирить в своем сознании науку и веру, государство и личную свободу. Занятия философией на фоне крайних материальных лишений способствовали не только интеллектуальному развитию Каткова, но и заставили его достаточно быстро повзреть. Если в Германию уплывал «юноша» (примечательно, что именно так чаще всего называл Каткова в своих письмах Белинский в пору их дружбы), то вернулся зрелый муж. Убедившись на собственном печальном опыте, что публицистическая деятельность не дает материальной стабильности (а это было немаловажно, так как Катков должен был содержать старую мать и брата-студента), и осознав, насколько современная ему российская публицистика поверхностна в суждениях по сравнению с научным анализом, он отказывается от журнального поприща и выбирает государственную службу. Этот выбор определил всю дальнейшую его судьбу. Служение государству, какие бы формы оно не принимало, стало для Каткова главным делом его жизни.

Список источников и литературы

1. Анненков П. В. и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892.
2. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989.
3. Белинский В. Г. Избранные письма: в 2 т. М., 1950. Т. 2.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 11.
5. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М., 1982. Т. 9.
6. Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999.

7. *Из переписки* П. В. Анненкова с М. Н. Катковым в 1841 и 1842 годах // Русский вестник. 1896. №12. С. 44–50.

8. *Из писем* М.Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. №8. С. 146–170.

9. *Катков М. Н.* Имперское слово. М., 2002.

10. *Кулешов В. И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1959.

11. *Санькова С. М.* Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историкографический аспект. СПб., 2007.

Об авторе

С. М. Санькова — канд. ист. наук, доц., Орловский государственный технический университет, s_sankova@mail.ru